

Их представителем стал глава Союза Боевых Искусств. Ян Цин, прибыв в Лоян, первым делом отправился к Дуаньму Цину, но не застал его. Встретил его Девятнадцатый. Не проронив и пары слов, Девятнадцатый велел проводить гостя.

Нельзя винить Девятнадцатого, ведь Дуаньму Цин всё ещё страдал. Сегодня был день, когда Пятнадцатый должен был извлечь Гу Десяти Тысяч Насекомых из его тела. Шэнь Наня не бросили на свалку, но он уже почти превратился в ходячий труп, временами сохраняя сознание, а временами теряя его.

Девятнадцатый оставался рядом с Дуаньму Цином, наблюдая, как Пятнадцатый разрезает его запястье. Кровь лилась не переставая, сначала она была чёрной, но постепенно краснела. На руке Дуаньму Цина было видно, как что-то шевелится — двигались насекомые гу.

Со лба Дуаньму Цина струился холодный пот, вены на висках вздулись, он испытывал невероятные муки.

Даже Девятнадцатому стало невыносимо смотреть на это. Если бы это был он сам, он бы даже бровью не повёл, но страдал Дуаньму Цин, и это разрывало его сердце. Он не мог ничем помочь, разве что приготовить яд или лекарство, но с гу он был лишь поверхностно знаком, не являясь мастером.

Заметив страдания Девятнадцатого, Дуаньму Цин, несмотря на собственную боль, прикрыл его глаза другой рукой.

— Хороший, не смотри. Со мной всё в порядке. Выйди на минутку, а когда вернёшься, насекомое уже будет извлечено.

Рука Дуаньму Цина была вся в поту. Девятнадцатый сжал её, упрямо покачав головой.

— Хозяин, я останусь с тобой.

Он усадил Дуаньму Цина на себя, как тот часто делал с ним, чтобы дать ему утешение и силу.

Не только Дуаньму Цин мог быть опорой для других. Девятнадцатый тоже мог.

Дуаньму Цин, опираясь на Девятнадцатого, всё ещё хотел, чтобы тот вышел, но интенсивные движения насекомых лишили его голоса и сил. Он не мог использовать внутреннюю энергию, чтобы сопротивляться, и просто терпел.

Холодный пот покрывал лоб Дуаньму Цина. Он стиснул зубы, выпуская кровь, силы покидали его тело. Насекомые Гу Десяти Тысяч Насекомых понемногу выползали наружу. Учув запах крови, они возбудились, их движения стали ещё быстрее, и они поползли по руке Дуаньму Цина.

Шэнь Бэй смотрел на это с тревогой. Он хотел позвать Хань Лэна, но тот тоже не был мастером гу, уступая Пятнадцатому. Вызвать его означало лишь добавить беспокойства Дуаньму Цину. Тот не сообщил ему об этом, чтобы не распространять информацию слишком широко. Друзья бы беспокоились, а враги могли воспользоваться ситуацией.

Пока Дуаньму Цин выпускал кровь, Шэнь Нань тоже истекал кровью. Девятнадцатый и другие дали ему специальное лекарство, привлекающее гу, чтобы заставить его быстрее выйти.

Шэнь Нань не мог говорить и не слышал, лишь слабо ощущая происходящее вокруг. Он знал,

что Дуаньму Цин хочет пересадить Гу Десяти Тысяч Насекомых в его тело. Чувствуя, как кровь быстро вытекает, он ощущал, как его жизнь утекает вместе с ней.

Все кости в его теле были раздроблены, тело стало вялым, и он не мог сопротивляться. Для Дуаньму Цина он был ниже муравья, раздавить его было проще простого.

Гу уже почти выползло, едва высунув голову, чтобы проверить, безопасно ли снаружи, как Пятнадцатый быстрым движением вытащил его и поместил в рану Шэнь Наня. Гу, не успев ничего почувствовать, поползло по запаху крови.

Одиннадцатый перевязал рану Дуаньму Цина. Его лицо было бледным, губы потеряли цвет. Он потерял слишком много крови, и, если бы не контроль над её количеством, он бы умер от потери крови ещё до того, как гу вышло.

Хотя у Дуаньму Цина почти не было сил, он не был полностью истощён и мог встать. Чтобы показать Девятнадцатому, что с ним всё в порядке, он даже сделал несколько шагов. Если бы не его пугающе бледное лицо, можно было бы подумать, что всё нормально.

Девятнадцатый и Шэнь Бэй осторожно уложили его на кровать.

— Хозяин, отдохни как следует. Я позабочусь о тебе.

Шэнь Бэй тоже добавил:

— Верно, тебе нужно поправляться. Не волнуйся, я не украду стол, пока ты слаб.

Девятнадцатый:

— ... Чуть не поверил, что ты действительно о нём беспокоишься!

Дуаньму Цин проигнорировал Шэнь Наня и повернулся к Девятнадцатому.

— Со мной всё в порядке, не волнуйся. Эта маленькая рана заживёт через несколько дней, хороший? — Дуаньму Цин не хотел, чтобы Девятнадцатый утомлялся, заботясь о нём.

Девятнадцатый не послушал его, поднял одеяло и уложил его спать, как раньше делал сам Дуаньму Цин.

Не желая видеть их нежные заботы друг о друге, Шэнь Бэй молча вышел из комнаты.

— Хозяин, спи. Я разбужу тебя к ужину.

— Раньше я всегда спал с тобой. Разве ты не останешься со мной? — Дуаньму Цин сказал жалобно, смотря на него трогательным взглядом, словно Девятнадцатый его бросил.

— Хозяин, так можно подумать, что это ты обычно оказываешься снизу. У тебя совсем нет чувства меры? Что это за тон и взгляд, будто ты маленькая жена?

— Тогда сегодня ты будешь сверху? — Дуаньму Цин не против вопроса позиции, просто лекарство для зачатия, которое он принял, до сих пор не подействовало. Непонятно, в чём дело, ведь Одиннадцатый не мог ошибиться.

— В таком состоянии тебе лучше не думать о таких вещах, ладно? — Девятнадцатый подошёл и закрыл глаза Дуаньму Цина рукой, заставляя его спать.

Дуаньму Цин схватил его за запястье, и с лёгким усилием Девятнадцатый оказался на кровати. Он хотел высвободить руку, но Дуаньму Цин намеренно схватил его за раненую руку, чтобы он не смог сопротивляться, боясь разорвать рану.

Теперь он понимал, что чувствовал Дуаньму Цин, когда защищал его как хрупкое сокровище. Боялся, что одно неверное движение может всё разрушить.

— Спи, я останусь с тобой. — Раз уж он оказался на кровати, что ещё оставалось делать? Придётся остаться. В конце концов, Дуаньму Цин действительно нуждался в заботе.

Дуаньму Цин хотел обнять Девятнадцатого, но тот уже собирался уклониться.

— У меня рана на запястье, но остальное в порядке. Обнимая тебя, я не задену её. — Он привык спать, обнимая что-то, и без Девятнадцатого ему было трудно уснуть.

Девятнадцатый легонько похлопал Дуаньму Цина по спине. Он не знал, как родители успокаивают детей, но иногда Дуаньму Цин делал так с ним, и он просто повторил.

Дуаньму Цин действительно устал, и, с Девятнадцатым рядом, он чувствовал невероятное спокойствие. Вскоре он заснул. Как бы ни был он силён в боевых искусствах, как бы ни глубока была его внутренняя энергия, он всё же был обычным человеком, с эмоциями, болезнями и смертью.

Человек, однажды связанный любовью, всегда будет иметь слабое место. Из-за этого человека можно обрести всё или потерять всё, жить ради него или умереть за него.

Дуаньму Цин спал неглубоко, несколько раз просыпался, смотрел на потолок и снова закрывал глаза. Девятнадцатый тоже просыпался, но не одновременно с ним. Убедившись, что Дуаньму Цин спит, он поправлял одеяло и прижимался к нему ещё ближе.

Рана Дуаньму Цина была неглубокой и зажила за несколько дней. Представители праведных сил, несколько раз получавшие отказ, наконец смогли встретиться с ним.

Девятнадцатый всегда не любил светские встречи, поэтому никогда не сопровождал Дуаньму Цина на приёмах гостей.

Кроме главы Школы Суншань, который был прикован к постели, приехали главы четырёх из пяти Великих Гор, а также глава Союза Боевых Искусств — всего пять человек.

Дуаньму Цин сидел на главном месте, остальные пятеро расположились в ряд. Им подали чай, и, то ли случайно, то ли намеренно, это был тот же Лунцзин, что и в прошлый раз, когда приезжал Ян Цин.

— Господин Дуаньму, в последнее время в мире боевых искусств беспокойно, вы, конечно, знаете об этом. — Чжуан Цяо, глава Школы Хуашань, погладил бороду и сразу перешёл к делу.

Перед встречей они планировали сначала немного поговорить, наладить отношения, а затем перейти к главному, но Ян Цин предупредил их, чтобы они не говорили лишнего, иначе Дуаньму Цин может выгнать их.

Этот вывод был сделан на основе прошлой встречи с Дуаньму Цином и недавней встречи с Девятнадцатым. В Башне Цинчэн нет людей с хорошим характером.

Авторская ремарка:

Девятнадцатый: А что такое предел? Это вкусно?

Дуаньму Цин: Конечно вкусно, и очень аппетитно.

Девятнадцатый: Ты пробовал?

Дуаньму Цин: Конечно. Разве я не знаю, насколько ты вкусный?

<http://bllate.org/book/16706/1535165>